

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ

«Монархизация» президентской власти

Михаил Краснов

В статье предпринимается попытка доказать, что при всей своей схожести институты монарха и президента принципиально отличаются друг от друга. Президента правильнее считать не «республиканским монархом», а эрзацем монарха, причем не в метафорическом, а в буквальном смысле: президент, осознанно или неосознанно, стремится приобрести не свойственные его природе монархические качества, прежде всего, несменяемость и неотвеченность. Автор именует этот процесс «монархизацией». По его мнению, имманентные монарху черты обуславливают неизменность его природы при разном объеме власти и, наоборот, присвоение президентом некоторых монархических черт влечет изменение его природы и приближает его к диктатуре.

→ Президент; монарх; свойства монарха; диктатор, римские диктаторы; происхождение института президента; несменяемость; неотвеченность; политическая нейтральность

1. Постановка и обоснование задачи

Как правило, новые публично-властные институты или вырастают из институтов, непосредственно предшествующих им, или заимствуют у них основные черты. Это напоминает феномен, который экономисты называют *path dependence* — зависимость от предшествующей траектории. Вот и *институт президента*, будучи созданным на основе *института монарха*, унаследовал некоторые его прерогативы, место в системе публичной власти, но все же имеет *иную природу*.

Правда, известный историк государства и права З.М. Черниловский полагал, что «*исторические корни президентуры* уходят, скорее всего, в старую римскую экстраординарную магистратуру, созданную на случай возникновения чрезвычайных опасностей, угрожающих существованию государства. Ее демократический характер, что отнюдь не второстепенно, подчеркивался официальным наименованием правоуполномоченного лица, которому вверялась высшая и неограниченная власть, “*magister populi*” — “предводитель народа”, позднее — “диктатор” (от

dicto — предписывать, приказывать)»¹ (курсив в цитатах по умолчанию мой. — М.К.). Однако сопоставление места, роли, правового статуса римского диктатора и современного президента не подтверждает такую версию «родословной» последнего (ограниченность объема не позволяет мне аргументировать такой вывод).

Конечно же, правы те исследователи, которые исходят из того, что современный институт президента впервые появился в Конституции США, а его образцом служил король Великобритании (в то время так именовался британский монарх) Георг III. Но за этим фактом скрывается драматичная и интереснейшая история, впрочем, как всякая история создания новой государственности. Не имея возможности описывать ее², скажу

¹ Черниловский З.М. Институт президентуры в свете исторического опыта // Советское государство и право. 1991. № 6. С. 110.

² Отдельные факты этой истории можно найти, например, в работах: Токвиль А. де. Демократия в Америке: пер. с фр. / предисл. Г. Дж. Ласки. М.: Весь Мир, 2000; Котляревский С.А. Конституционное государство // Котляревский С.А. Избранные труды / сост., автор вступ. ст., коммент. К.А. Соловьев. М.:

лишь, что создание президентства было, по сути, *вынужденным*: авторы американской Конституции прекрасно понимали опасности, кроющиеся в институте единоличного главы исполнительной власти. В то же время они знали и что такое «тирания законодательных собраний». Поэтому трудно себе представить, как бы «отцы-основатели» прошли между «Сциллой и Харибдой», если бы не фигура Дж. Вашингтона — «первого в войне, первого в мире и первого в сердцах его соотечественников»³. Созданное в 1783 году «Общество Цинцинната» хотело видеть его королем, а А. Гамильтон предлагал предоставить ему пожизненное президентство.

Хотя эти предложения были отвергнуты, в том числе под влиянием самого Вашингтона (впрочем, не прошло и противоположное мнение — о семилетнем сроке без переизбрания⁴), тем не менее, как верно заметил А. Ф. Алиев, «структура исполнительной власти и ее полномочия в США были бы иными, если бы президентское кресло не предназначалось конкретному лицу — Джорджу Вашингтону»⁵. Он приводит слова одного из делегатов Конституционного Конвента о том, что президентские полномочия не были бы «столь велики, если бы многие не оценивали их применительно к генералу Вашингтону, как к президенту, если бы их взгляды по этому поводу не формировались под воздействием их убежденности в достоинствах Вашингтона»⁶. Правда, еще А. де Ток-

виль⁷ высказал позицию (и ее разделяют некоторые современные исследователи⁸), что конституционно предусматривался слабый президент. Однако это — смотря как оценивать президентские prerogatives и с чем их сравнивать...

Из сказанного можно заключить, что «отцам-основателям» статус *единоличного института, имеющего достаточно власти для обеспечения государственного единства*, в монархической и республиканской форме правления виделся *принципиально одноптипным, взаимозаменяемым*. Неслучайно поэтому за президентом были закреплены такие присущие монарху prerogatives, как верховное главнокомандование, право внеочередного созыва палат парламента, помилование, прием послов и др. Эта традиция утвердилась затем повсеместно.

Хотя, как писал В. Вильсон, «отцы-основатели» являлись *теоретиками*, принадлежавшими к партии вигов (либералов), они одновременно были *опытными государственными деятелями*, обладавшими проницательностью в отношении системы власти, и потому предложили ее работоспособную модель⁹. Другими словами, в решении о создании института главы государства в лице президента перевесили «практические соображения», а не «филистерское преклонение перед короной» и «историческая ограниченность мышления буржуазии»¹⁰. В то же время, сознавая наличие «гена деспотизма», кроющегося в единоличном институте, «отцы-основатели» мыслили его *только в рамках идеи разделения властей* и потому не стали искать республиканский аналог единоличной исполнительной власти ни в Римской республике с неограниченной властью диктатора, ни в средневековых аристократических республиках.

РОССПЭН, 2010; *Бернам У.* Правовая система США. Вып. 3 / науч. ред. В. А. Власихин. М.: Новая юстиция, 2006; *Сахаров Н. А.* Институт президентства в современном мире. М.: Юрид. лит., 1994; *Баренбойм П.* 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера: учеб. пособие. М.: Белые альвы, 1995; *Дёгтев Г. В.* Конституционно-правовой статус Президентов Российской Федерации и США: сравнительно-правовой анализ. М.: Юристъ, 2003; *Паречина С. Г.* Институт президентства: история и современность / под общ. ред. Е. В. Матусевича. Минск: ИСПИ, 2003.

³ Цит. по: Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 гг.) с историческим комментарием: пер. с англ. / общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. М.: Стратегия, 2001. С. 35.

⁴ См.: *Котляревский С. А.* Указ. соч. С. 193.

⁵ *Алиев А. Ф.* Президент в президентской республике (на примере США): депонир. рукоп. в ИНИОН РАН. М., 1999. С. 8–9.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Токвиль А. де.* Указ. соч. С. 109.

⁸ См., например: *Лессиг Л.* Путь президентства // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1993. № 4(5)/1994. № 5(6). С. 117–120.

⁹ См.: *Wilson W.* Constitutional Government in United States. New York: Columbia University Press, 1917. P. 57.

¹⁰ См.: *Мишин А. А.* Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости: учеб. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 246–247.

Итак, поскольку монарх послужил моделью для конструирования современного президента, постольку эти два института кажутся очень *похожими друг на друга* — до такой степени, что нередко применяемый оксюморон вроде «*республиканский монарх*» теряет свое значение как сочетание несочетаемого. Неудивительно, что в XIX — первой трети XX века была довольно распространена позиция, согласно которой *президент и конституционный монарх практически не отличаются друг от друга*.

Так, Н. И. Лазаревский свидетельствовал, что некоторые ученые полагают, будто «конституционный король есть лишь *наследственный президент*, а президент есть *конституционный король на время*»¹¹. А К. Шмитт употреблял термин «*республиканизированный монарх*» вообще в буквальном смысле¹².

На основе такого сходства даже возникла идея своего рода *конвергенции* монархизма (ограниченной монархии) и республиканизма. Еще А. де Токвиль писал, что, «когда *монархия постепенно превращается в республику*, носитель исполнительной власти продолжает сохранять в этой стране свои титулы, ему оказывают те же почести и знаки уважения, у него даже остаются причитающиеся ему денежные средства, и все это происходит в течение длительного времени после того, как сама власть уже лишилась своего реального могущества»¹³. Французский исследователь Ф. Моро был убежден, что даже среди «наций, сохранивших наследственную монархию, республиканские идеи сильно распространены, и их торжество в некоторых странах есть, пожалуй, лишь вопрос времени»¹⁴. А Л. А. Тихомиров уже с печалью утверждал, что европейские монархии, став конституционными, пришли в упадок и готовы «окон-

чательно уступить место республиканской идее»¹⁵.

Во второй половине XX века названный оксюморон стал применяться уже для уподобления силы президентской власти могуществу абсолютного монарха. Именно в этом смысле термин «*республиканский монарх*» часто употребляют, например, французские государствоведы, имея в виду президентов Пятой республики. Или вот, А. Шлезингер-младший цитировал: «Каждые четыре года *мы выбираем короля*, — заметил государственный секретарь Уильям Х. Сьюард в беседе с корреспондентом лондонской газеты “Таймс” Луисом Дженнингсом в период Гражданской войны, — *и наделяем его фактически абсолютной властью*, поскольку он всегда может толковать на свой лад соответствующие ограничения, предусмотренные законом»¹⁶. Правда, эта цитата была приведена Шлезингером лишь для иллюстрации закономерности резкого расширения президентских полномочий в условиях угрозы национальной безопасности. Но характерно, что президент приравнивается именно к монарху, а не к диктатору, хотя правильнее именно второе.

В то же время монарх и президент имеют *принципиальные различия*, вытекающие из их разной природы. И вот это сочетание внешней однотипности и принципиальных различий двух институтов требует признать президента *не копией*, а *эрзацем монарха*, то есть, в соответствии со словарным значением, его *неполноценным заменителем*.

Не я первый применяю подобный термин по отношению к президенту. Известный большевистский деятель П. И. Стучка (он, в частности, был в 1920-х годах председателем Верховного суда РСФСР) писал: «А где нет монарха, т. е. в республике, там стараются создать *суррогат (подделку)* монарха в лице президента республики (во Франции, Германии, Америке и т. д.) с теми же “прерогативами”, т. е. преимущественными правами»¹⁷. Иное дело, что Стучка, исходя из марксист-

¹¹ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. I: Конституционное право. СПб.: Слово, 1908. С. 64–65 (Лазаревский ссылался на французское издание: *Batbie. Traité de droit public et constitutionnel*. Т. VII. 1894).

¹² См.: Шмитт К. Учение о конституции // Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдошова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдошов. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010. С. 170.

¹³ Токвиль А. де. Указ. соч. С. 108.

¹⁴ Моро Ф. В защиту парламентаризма / пер. с фр. Кана. М.: Тип. «Север», 1908. С. 16.

¹⁵ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: Облиздат; Алир, 1998. С. 202.

¹⁶ Шлезингер-мл. А. М. Циклы американской истории: пер. с англ. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 401.

¹⁷ Стучка П. Учение о Государстве и Конституции РСФСР. 3-е изд., пересмотр. (извлечение). М., 1923 г. [Электронный ресурс] // Allpravo.Ru. 2004. URL:

ской догмы о присутствии «классового интегреса» в любом социальном явлении, институте, хотел подчеркнуть, что форма правления не имеет значения, ибо все равно «управляет класс капиталистов»¹⁸. Я же имею в виду другое.

«Эрзац» — отнюдь не оскорбление, не принижение президентского статуса, а лишь констатация: институт «первого лица» республика заимствовала у монархии, но полностью воспроизвести его свойства в республиканской форме правления невозможно, ибо тогда это будет уже не президент (только в этом смысле и следует понимать *неполноценность* заместителя — не как более низкое качество, а как отсутствие некоторых свойств оригинала).

Строго говоря, термин «эрзац» применим к неодушевленным предметам. И тем не менее в нем содержится интенция тяготения к первообразу: хотя сам эрзац не имеет воли, его создатель — человек, по общему правилу, *хочет приблизить свое творение к оригиналу*. Именно поэтому слово «эрзац» гораздо точнее характеризует президента, нежели метафора «республиканский монарх», ибо президент стремится (сознательно или неосознанно) *обладать монархическими свойствами*, формально оставаясь при этом республиканским институтом (такой процесс можно назвать «*монархизацией президента*»).

Сказанному не противоречат примеры отсутствия тяги к «монархизации» у отдельных президентов. В. Вильсон, например, утверждал, что некоторые американские «президенты намеренно держали себя *подальше от употребления всей полноты власти*, которую они на полном законном основании могли бы использовать, из-за сознательных *угрызений совести*, из-за того, что они были больше теоретиками, чем государственными деятелями»¹⁹. Речь идет о **закономерности**. А будучи социальной, она действует не как закон природы: ее очень сложно разглядеть не только в силу наличия у акторов *воли*, но и потому что действие социальных закономерностей зависит от уровня политической культуры данного общества, традиций, институ-

ционального дизайна и массы других условий.

Тот же Вильсон пришел к верному выводу о том, что, если дать президенту «возможность однажды получить восторг и доверие страны, и ни одна сила уже не сможет противостоять ему, ни даже целый ряд сил его не переселят»²⁰. Другое дело, что он писал об американских президентах и потому исходил из презумпции невероятности «конвертации» народного доверия в «монархическую» президентуру. Но если в обществе и истеблишменте нет глубокого уважения к собственной конституции²¹, подтверждение Вильсоном названной закономерности оборачивается опасной для конституционного строя стороной.

Именно об этой стороне предупреждал американский политолог Х. Линц, говоря, что «убежденность президента в том, что он обладает *независимой властью* и пользуется *поддержкой народа*, может создавать у него ощущение *собственной силы и миссии*, даже если количество проголосовавших за него в совокупности невелико. Проникнутый подобными представлениями о своем положении и своей роли, он начинает *воспринимать неизбежную оппозицию своей политике как раздражающий и деморализующий фактор*, в отличие от премьер-министра [в парламентской системе. — М. К.], который видит в себе всего лишь представителя временной правящей коалиции, а не выразителя интересов нации или народного трибуна»²². Линц не сравнивал президента с монархом, но фактически описал роль, характерную для него.

Это, разумеется, в первую очередь, относится к президентам в президенталистской системе, хотя, как считают некоторые государственоведы, «даже там, где президент в значительной мере является *церемониальной*

²⁰ Ibid. P. 68.

²¹ Например, британский политолог Л. Зидентоп заметил, что в скандале с Президентом Клинтонем «Конституция Соединенных Штатов сдержала популистские инстинкты» (см.: *Зидентоп Л.* Демократия в Европе : пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2001. С. 48).

²² *Линц Х.* Опасности президентской формы правления // Теория и практика демократии. Избранные тексты : пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М. : Ладомир, 2006. С. 217.

<http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum3693/> (дата обращения: 21.07.2015).

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ *Wilson W.* Op. cit. P. 70.

фигурой, существует вероятность, что его *власть со временем будет возрастать*»²³.

Цель «монархизации», подчеркнуту, не в формальном преобразовании президентского статуса в монархический — такое бывает, но очень редко (известный пример — Ж.-Б. Боккасса, чье тщеславие и властолюбие не удовлетворилось пожизненным президентством, и потому в 1977 году он провозгласил себя императором). Цель этого процесса — в «приспособлении» имманентных монарху свойств. Начатки такого процесса характерны практически для любого президента в президентской системе, что выражается в расширении его собственных полномочий, как минимум, в стремлении к этому²⁴ и, соответственно, сужении прерогатив других властных институтов. Однако далеко не везде этот процесс имеет возможности для развития и завершения: он затухает, если этому препятствуют определенные институциональные и социокультурные условия. Если же таких условий нет, президент в полной мере «заимствует» монархические черты. Но каковы эти черты? *Что принципиально отличает монарха от президента?*

2. О критериях разграничения монарха и президента

Прежде всего нужно понять, по каким *критериям* можно проводить водораздел. Издавна здесь мнения расходились. В том числе о самой численности критериев: одни ученые упоминали об одном, максимум, двух (например, С. А. Котляревский²⁵, Ф. Ф. Кокошкин²⁶,

Л. Дюги²⁷), другие — о трех и более (например, А. де Токвиль²⁸, Г. Еллинек²⁹).

К этому стоит добавить, что некоторые критерии, по которым когда-то проводился водораздел между монархом и президентом, утеряли свою роль. Так, в прошлом часто упоминались *взаимоотношения главы государства и парламента*. Однако сегодня этот критерий нельзя считать специфическим, что еще в начале XX века подметил Ф. Ф. Кокошкин³⁰. Действительно, с одной стороны, во многих европейских монархиях королевские прерогативы постепенно урезались; с другой — появились новые модификации республиканской формы правления.

В прошлом некоторые авторы добавляли к признакам («преимуществам») монарха также *содержание за счет государственных средств; организацию особого Императорского Двора; употребление Императорских регалий и титула*³¹. На мой взгляд, эти признаки являются лишь производными от основных свойств монарха и не влияют на характер осуществления власти.

Вряд ли к специфическим признакам монархии следует относить и *наличие дворянства*, хотя раньше монархия, действительно, без него не мыслилась (например, Н. Макиавелли³², Ш. Монтескье³³). Сегодня этот критерий утратил универсальность и значимость: хотя кое-где сохраняются дворянские титулы,

²⁷ См.: Дюги Л. Указ. соч. С. 539.

²⁸ См.: Токвиль А. де. Указ. соч. С. 108–110.

²⁹ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве // Право современного государства. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. С. И. Гессеном. СПб.: Мартынов Н. К., 1908. С. 410, 506, 538, 543–544.

³⁰ См.: Кокошкин Ф. Ф. Указ. соч. С. 318–319.

³¹ См.: Ивановский В. В. Государственное право // Известия и ученые записки Казан. ун-та. По изд. № 5 1895 года — № 11 1896 года. § 22. Преимущества или прерогативы субъекта верховной власти [Электронный ресурс] // сайт «Все о праве». URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/print2841.html> (дата обращения: 25.12.2008); Грибовский В. М. Государственное устройство и управление Российской Империи (Из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса: Техник, 1912. С. 68–69.

³² См.: Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь. М.: Эксмо, 2014. С. 179–180.

³³ См.: Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения / под общ. ред. М. П. Баскина. М.: Госполитиздат, 1955. Кн. 2. Гл. IV.

²³ Санстейн К. Изменение конституционных полномочий американского Президента // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1993. № 4 (5) / 1994. 5 (6). С. 112–116, 112–113.

²⁴ См., например: Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / пер. с франц. А. С. Яценко, В. А. Краснокутского и Б. И. Сыромятникова; предисл. к рус. пер. проф. П. Новгородцева и автора. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 569–570; Шлезингер-младший А. М. Указ. соч. С. 401; Крутоголов М. А. Президент Французской Республики. Правовое положение. М.: Наука, 1980. С. 37; Санстейн К. Указ. соч. С. 112; Паречина С. Г. Указ. соч. С. 27.

²⁵ См.: Котляревский С. А. Указ. соч. С. 462.

²⁶ См.: Кокошкин Ф. Ф. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 318–320.

они больше не имеют правового значения. Впрочем, об этом признаке нет смысла говорить, поскольку он не составляет элемент собственно *статуса* монарха.

Мне кажется, имеет смысл рассматривать различия между монархом и президентом по критериям, которые позволяют провести сравнение обоих институтов по их ярко выраженным и принципиально различающимся свойствам. Это следующие критерии: 1) источник власти (легитимности); 2) инстанция ответственности; 3) объем власти; 4) длительность полномочий; 5) степень вовлеченности в *politics* (политической нейтральности³⁴). Последний критерий не слишком дифференцирующий: с одной стороны, конституционный монарх может симпатизировать какой-то политической силе, с другой — положение президента в парламентской модели напоминает политически нейтрального монарха. Тем не менее я постараюсь показать, почему и этот критерий не стоит отбрасывать.

Последовательность критериев не отражает степени притягательности для президента того или иного монархического признака. Однако, несмотря на их неравноценность, все критерии важны, ибо *образуют некую систему, один связан с другим*. Но главным, или родовым, критерием является *источник власти*, который кажется не имеющим практического значения, но на самом деле определяет природу института.

3. Источник власти (легитимности)

В отличие от президента, который приобретает власть прямо или опосредованно по воле *народа-суверена*, власть монарха «считается *юридически производной от какой-либо другой власти, органа или избирательного корпуса*»³⁵, а он сам — «не производным и не погашаемым *источником всех*

велений государственной власти»³⁶ (курсив в оригинале. — М.К.). Нередко вместо непроизводности власти применяют понятие «*по собственному праву*»³⁷. Н.И. Лазаревский, например, писал: «Самое содержание правительственных полномочий монарха может определяться законом, изменить который монарх не вправе. Но *право быть этим монархом с данными полномочиями составляет право, непосредственно ему принадлежащее, ни от кого не заимствованное*. Таким образом, различие между монархией и республикой можно свести к следующему: если в числе органов правительства есть лицо, *властвующее по собственному, лично ему принадлежащему праву*, то это государство есть монархия; если в государстве все власти действуют только по временному уполномочию от народа или от органов, народом избранных, то это государство есть республика»³⁸.

Однако если производность власти президента очевидна, то «собственное право» монарха — понятие довольно туманное, по крайней мере, в юридическом смысле. И это стало причиной его отрицания рядом ученых конца XIX — начала XX века. Так, Л. А. Тихомиров критиковал Б. Н. Чичерина, Н. М. Коркунова и А. В. Романович-Славатинского за то, что они не смогли четко объяснить, что такое «собственное право», на основе чего оно существует³⁹. С. А. Котляревский также считал, что в отличие от таких понятий, как наследственность и безответственность, «совершенно явственных и ощутительных», невозможно сказать, «какой точный *юридический критерий* отличает собственное и не собственное право»⁴⁰.

Существовала и позиция, в соответствии с которой вообще нельзя говорить о некоем

³⁴ Я сознательно не применяю здесь слово «нейтралитет», поскольку оно несет в себе значительную долю субъективного смысла. «Нейтральность» же в большей мере выражает то, что данное свойство существует объективно.

³⁵ См.: Мишин А. А. Указ. соч. С. 248; Мишин А. А., Барабашев Г. В. Государственное право буржуазных и развивающихся стран: учеб. М.: Юрид. лит., 1989. С. 241.

³⁶ См.: Магазинер Я. М. Общее учение о государстве: курс лекций, читанных в Петроградском Университете в 1918–1922 гг. 2-е изд., перераб. СПб.: Кооперация, 1922. С. 327.

³⁷ См., например: Чичерин Б. Н. Общее государственное право / под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2006. С. 141; Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. / предисл. проф. И. Козлихина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 313; Лазаревский Н. И. Указ. соч. С. 65–66.

³⁸ Лазаревский Н. И. Указ. соч. С. 65–66.

³⁹ См.: Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 315–318.

⁴⁰ См.: Котляревский С. А. Указ. соч. С. 463.

праве на власть. Б. А. Кистяковский, разбирая особенности разных школ в немецком государственоведении, писал, что самый видный представитель «реалистической школы» М. Зейдель утверждал, что «*власть есть только факт господства над государством — факт, из которого лишь возникает право*. У нас к этому направлению можно отчасти причислить проф. В. В. Ивановского. С его точки зрения, “власть господствует не по собственному праву, но по собственной силе”»⁴¹.

Взаимное непонимание, думается, во многом обязано недостаточному объяснению понятий и несколько буквалистской их трактовке. Например, одни воспринимали «право на власть» как его юридическую фиксацию, другие — *ipso facto*. Однако при этом почти не учитывалась *условность* понятий «сила» и «право», не говоря уже о том, что речь шла о разных типах правопонимания. В реальности, конечно же, есть и «сила», и «право», хотя их соотношение зависит от того, занимается ли трон в порядке наследования (в династии) или монархом, желающим установить новую династию.

Однако для монарха, особенно, если он только собирается основать династию, этого мало. В разных культурах (и уж точно в европейской, начиная с Константина Великого) необходимым условием монаршей легитимности выступает, так сказать, *божественная санкция*. В европейской традиции она проявляет себя через коронацию (коронование), хотя относительно ее (его) *юридического значения* есть разные мнения.

В. В. Ивановский, например, утверждал: «Как в России, так и в других государствах коронованию не придавалось и не придается какого-либо юридического значения. Это лишь торжественное засвидетельствование уже существующих прав представителя вер-

ховной власти»⁴². Верно, не сам акт коронации дает право занять трон, хотя в европейской истории бывало и такое⁴³. Но сказать, что коронование вообще не имеет юридического значения — большая натяжка. С. А. Котляревский справедливо писал, что «наглядно переход власти выражается в короновании, которое в Венгрии имеет совершенно особое значение: по закону 1791 г. король до коронации не может осуществлять некоторые важнейшие акты своей власти: не может санкционировать законы, издавать привилегии и т. п.»⁴⁴. Юридическое значение этой процедуры подтверждал и Н. И. Лазаревский, говоря, что «священность короля стоит в некоторой связи с коронованием», другое дело, что «“священность” с исчезновением веры в божественное происхождение королевской власти может иметь значение лишь как синоним неприкосновенности, или как слово, усиливающее значение этого последнего термина»⁴⁵. Б. Н. Чичерин также считал, что монарх получает власть «свыше, по божественному изволению»⁴⁶. А форма выражения такого изволения — именно коронация.

Однако дело даже не в прямых юридических следствиях. Ведь почему монарх стремится к религиозной процедуре признания его власти? Да потому, что без этого он не будет считаться легитимным. Обычай придавать особое значение церемонии коронации пришел из глубины веков. Даже терминологически «венчание на царство», «помазание» отсылает к ветхозаветной церемонии, начало которой положил пророк Самуил, возлив елей на голову (помазав на царство) первого израильского царя Саула (1 Цар. 10: 1).

В Основах социальной концепции Русской православной церкви отрицается, что религиозная легитимация сохраняется в конституционной монархии: «Современные демократии, в том числе *монархические по форме, не ищут божественной санкции власти*. Они представляют из себя форму

⁴¹ Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское). Лекции Б. А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/1909 академическом году // Кистяковский Б. А. Избранное : в 2 ч. Ч. 2 / сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М. : РОССПЭН, 2010. С. 75. Примерно в таком ключе рассуждал и Ф. Лассаль (см.: Лассаль Ф. Сила и право (Открытое письмо редактору «Реформы») // Сочинения Фердинанда Лассаля. Т. 2. СПб. : Глаголев Н., 1905. С. 54).

⁴² Ивановский В. В. Указ. соч. § 19. Коронование Государя.

⁴³ Например, Пипин Короткий, не имевший формальных прав на трон и фактически устроивший переворот, стал королем франков *лишь после коронации*, получив предварительно благословение от Папы.

⁴⁴ Котляревский С. А. Указ. соч. С. 459.

⁴⁵ Лазаревский Н. И. Указ. соч. С. 141.

⁴⁶ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 142.

власти в секулярном обществе, предполагающую право каждого дееспособного гражданина на волеизъявление посредством выборов»⁴⁷. Но полагаю, что это не так. Демократический тип правления вовсе не отменяет сообщение божественной воли через коронование наследственного главы государства; к тому же зачастую многие конституционные монархи являются главами государственных церквей.

В чем же смысл трансцендентного источника власти? Л. А. Тихомиров, например, рассуждал так: поскольку один человек не может «стать Верховной властью для того народа, к которому он сам принадлежит, и который во столько же раз сильнее всякой отдельной личности, во сколько миллионы больше единицы», постольку «это может быть произведено *только влиянием религиозного начала*, тем фактом или презумпцией, что *монарх является представителем какой-то высшей силы*, против которой ничтожны миллионы человеческих существ. Участие религиозного начала безусловно необходимо для осуществления монархии, как государственной Верховной власти»⁴⁸. Соглашаясь с тем, что монарх получает власть на основе Божьего изволения, не могу согласиться с аргументацией.

Во-первых, процесс образования публичной власти не такой механистический, каким он предстает у Тихомирова. А во-вторых, монарх отнюдь не становится «представителем Бога» (хотя сам и может считать себя таковым). Представительство предполагает контроль «принципала» за адекватным представлением его воли. Трансцендентный «принципал» — Бог, — разумеется, наблюдает за монархом, как и за всяким другим человеком, реагирует на его слова, поступки и даже мысли. Но люди (даже святые) способны *лишь предполагать*, является ли какое-то событие или цепь событий в жизни государства «реакцией» Бога (и какого именно характера) на конкретное решение, те или иные слова, поступки или бездействие монарха.

В то же время Л. А. Тихомиров высказал, по-моему, верную мысль о том, что «*монархическое начало власти по существу есть господство нравственного начала*»⁴⁹. Деля монархию на «истинную» и ее искажения — «деспотическую» и «абсолютную»⁵⁰ (самодержавие и абсолютизм для него были не синонимами, а почти противоположностями), Тихомиров пытался доказать, что подлинное нравственное начало свойственно лишь «истинной монархии» — той, где «*воля монарха подчинена Богу*, и притом очень ясно. Она имеет своим руководством *Божественное учение, нравственный идеал*, ясный долг, и все это существует не только как учение, но и как реальное содержание народной души, с которой пребывает Сам Бог»⁵¹. Представляется, что эта мысль очень глубокая, но не оцененная по достоинству и, скорее всего, уже не будет оценена. Разумеется, монарх может не соответствовать идее подчинения его воли Богу. Но только эта идея и способна оправдать единоличное правление, а точнее, суверенитет монарха, который может непосредственно и не управлять, имея под собой, как раньше нередко говорили, управительную власть, но оберегая государственность и представляя ее нравственный идеал⁵². И очень верно этот момент уловил С. А. Котляревский, который, не будучи таким явным монархистом, как Тихомиров, все же писал, что значение монархии «в народной жизни слишком связано с историческими верованиями и переживаниями, с национальными заслугами династии, с наличностью известного запаса чувств лояльности и пиетета, *не покрывающихся утилитарными ображениями о политической целесообразности*» и что «к институту монархий нельзя подходить исключительно с рациональной критикой, так как он заключает в себе всегда *момент иррациональный*»⁵³.

Это, действительно, так: несмотря на то что в современных обществах секуляризация достигла огромных масштабов, «небесная легитимация» оказывается несравненно более надежным фундаментом власти, хотя бы по-

⁴⁷ Основы социальной концепции Русской православной церкви. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarhia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 03.03.2005). III.7.

⁴⁸ Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 85.

⁴⁹ Там же. С. 202.

⁵⁰ См.: Там же. С. 103—104.

⁵¹ Там же. С. 103.

⁵² См.: Там же. С. 92—93.

⁵³ Котляревский С. А. Указ. соч. С. 188.

тому, что ей невозможно противопоставить рациональные аргументы. *Сам факт коронация является достаточным*, тогда как выборы с их агитационной кампанией, процедурой голосования, подсчетом голосов всегда могут вызвать сомнения в справедливости и честности (упреки в неравенстве условий для предвыборной борьбы, использовании «черных технологий», манипуляциях с голосами избирателей, небольшом числе голосов, отданных за победителя и т. д.).

Казалось бы, признак божественной легитимации невозможно перенести на президента. Тем не менее то тут, то там появляются попытки президентской сакрализации. Тут можно применить медицинскую аналогию: при сильном иммунитете вирусная инфекция, скорее всего, не сможет поразить человека, а вот ослабленный организм наверняка станет ее жертвой. В органическом мире известно порядка пяти тысяч видов вирусов. Сколько существует «социальных вирусов» — идей, реализация которых в итоге разрушает общество или заставляет его страдать, — сказать невозможно, но их довольно много. Сакрализация республиканского лидера — один из них.

4. Инстанция ответственности

А. де Токвиль писал: «Президент Соединенных Штатов несет *ответственность* за свои действия. Французские же законы говорят о том, что особа короля Франции *неприкосновенна*»⁵⁴. Действительно, свойством, имманентным монарху, исследователи часто считают его *неответственность* (безответственность⁵⁵) перед государством и народом и, соответственно, *неприкосновенность*. Некоторые авторы (например, Н. М. Коркунов) вообще считали этот признак единственным⁵⁶.

Неответственность естественным образом вытекает из *сакральности* власти: коль скоро монаршая власть имеет Божественную

санкцию, ее носитель не подлежит ответственности ни перед какой земной инстанцией. Однако монарх не освобождается от ответственности вообще, она лишь переходит в метафизическую плоскость (Л. А. Тихомиров говорил, что монарх несет *нравственную* ответственность перед *Богом*⁵⁷), хотя может переживаться гораздо сильнее, глубже, острее, нежели ответственность перед земной инстанцией.

Другие российские исследователи досоветского периода подходили к обоснованию монаршей неответственности с более рационалистических позиций. Например, Ф. Ф. Кошкин и пожизненность правления монарха, и его неответственность выводил из логики исторического развития⁵⁸. А В. В. Ивановский утверждал, что неответственность монарха вытекает из свободы от подчинения общим законам: «Это объясняется тем положением, что монарх есть источник всякой власти: что власть всех учреждений, как административных, так и судебных заимствуется от него, и что поэтому в государстве нет таких учреждений, которые были бы компетентны судить государя. Для него существует *лишь суд истории и его собственной совести*»⁵⁹. Иными словами, поскольку монарх — суверен, постольку он ни перед кем не ответствен.

На мой взгляд, неответственность монарха *неправильно выводить из его суверенитета*. В противном случае нам придется согласиться, что конституционный монарх несет ответственность, поскольку есть немало примеров провозглашения в монархических конституциях суверенитета народа. Однако и в этих странах монарх не подлежит ответственности (такое противоречие побуждало некоторых ученых довольно далеко разводить между собой неограниченную и ограниченную монархии, что, на мой взгляд, неверно, ибо их глубинная природа одна и та же). Начало сочетанию народного суверенитета и монаршей неответственности было положено первой Конституцией Франции от 3 сентября 1791 года, которая сохраняла монархию и отношение к королю как к «особе *неприкосновенной и священной*» (п. 2 отд. I гл. второй). Правда, неответственность короля уже не

⁵⁴ Токвиль А. де. Указ. соч. С. 110.

⁵⁵ Раньше исследователи чаще употребляли термин «безответственность». Однако сегодня это слово приобрело отрицательный смысл и потому многие современные исследователи используют термин «неответственность», хотя на русском языке это слово не вполне благозвучно.

⁵⁶ См.: Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 313.

⁵⁷ См.: Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 238.

⁵⁸ См.: Кошкин Ф. Ф. Указ. соч. С. 320.

⁵⁹ Ивановский В. В. Указ. соч. § 22.

была абсолютной, поскольку содержала условие: «После явно выраженного или законно предполагаемого отречения король *переходит в разряд граждан* и может быть подвергнут обвинению и судим *наряду с прочими лицами* за деяния, совершенные после его отречения» (п. 8 отд. I гл. второй). В то же время Конституция провозглашала: «*Суверенитет принадлежит нации*: он един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем» (п. 1 разд. третьего). Похожая картина наблюдается и во многих современных парламентских монархиях (в частности, в Люксембурге, Испании, Швеции, Норвегии, Японии, Лихтенштейне).

Не все, однако, были согласны с наличием признака неотвеченности монарха. Так, Ф. Моро (явно исповедовавший республиканские взгляды) в начале XX века писал, что даже при ответственности министров с монарха не снимается политическая ответственность: «Времена монархий “божьей милостью”, ответственных только перед Богом, миновали. Современная мораль требует ответственности для *каждой* воли, и абсолютные монархи вынуждены считаться с угрозой возмездия и постоянно опасаться революций, которых *может ожидать непопулярное правительство*»⁶⁰.

Неотвеченность монарха обычно делят на два вида — юридическую и политическую. Я далеко вышел бы за рамки темы, если бы сейчас погрузился в дискуссию о том, что есть ответственность, хотя в свое время занимался этой проблематикой довольно тесно⁶¹. Поэтому ограничусь лишь утверждением, что под ответственностью следует понимать *необходимость претерпевания (и претерпевание) неблагоприятных последствий* при негативной оценке соответствующей инстанцией ответственности.

На основе такого понимания можно сказать, что *юридическая* неотвеченность — это иммунитет от юридического преследования за правонарушение, в том числе за конституционное нарушение, гражданско-правовой деликт и проч. *Политическая* же неотвеченность предполагает недопустимость претерпевания неблагоприятных последствий

за ошибки при осуществлении публичной власти, бездеятельность (неисполнение полномочий), плохое качество государственного управления, совершение аморальных поступков и т. п.

Однако, полагаю, целесообразнее делить неотвеченность на личную и публичную. *Личная* неотвеченность — это отсутствие юридического преследования монарха как частного лица, как человека *per se*; *публичная* — это недопустимость юридического преследования и вынесения официальной политической оценки за государственную деятельность монарха, то есть за его решения, действия и бездействие в качестве главы государства.

Существует, правда, опасность смешения личной и публичной неотвеченности. Вот что писал Б. Констан: «Король в Англии, император во Франции, носитель монархической власти у всех народов находятся *вне сферы политической агитации*. Они — *не люди, они — воплощение власти*. Но точно так же, как им не следует вновь превращаться в людей, вследствие чего их функции изменят свою природу, они не должны подвергаться нападкам, подобно другим людям. Закон гарантирует гражданам ограждение от нападков со стороны властей, но он должен также давать гарантии от нападков на власть со стороны граждан. *Получив личное оскорбление, глава государства вновь превращается в человека. Если вы посягаете на человека, человек будет защищаться, и конституция будет нарушена*»⁶².

Вообще соотношение понятий «оскорбление» и «критика» государства в целом, его представителей и, прежде всего, его главы — сложнейшая тема, требующая своего отдельного исследования, а готовой теоретической конструкции у меня нет. Поэтому ограничусь несколькими замечаниями.

Б. Констан исходил из существовавшей в его время (первая треть XIX века) аксиомы недопустимости критики монарха, которая воспринималась как оскорбление величества. Сама такая недопустимость основывалась на том, что исключительно монарх представляет

⁶⁰ Моро Ф. Указ. соч. С. 20.

⁶¹ См., например: Краснов М. А. Ответственность в системе народного представительства. М.: Наука, 1992.

⁶² Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления // Французский классический либерализм: сб. : пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2000. С. 155.

государство, на чем настаивала, например, немецкая доктрина⁶³.

На практике эта конструкция выражалась в довольно суровых уголовных наказаниях за «оскорбление величества». К тому же, писал, в частности, С. А. Котляревский, «известно, какое *чрезвычайно растяжимое применение* дают в Германии закону об оскорблении императора; здесь не всегда оказывается действительной и самая существенная из гарантий — ответственность перед судом присяжных»⁶⁴. В России состав оскорбления монарха был определен в статье 267 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, действовавшего с изменениями и дополнениями до февраля 1917 года. В статье говорилось: «Изобличенные в составлении и распространении *письменных или печатных сочинений или изображений*, с целью возбудить *неуважение к верховной власти, или же к личным качествам Государя, или к управлению Его государством*, приговариваются как *оскорбители Величества...*»⁶⁵

Самая же большая опасность в теоретической конструкции Констанана — это отсутствие препятствий для распространения данного принципа на президентов. Ведь и о президентах можно сказать (и порой говорят), что «они — не люди, они — воплощение власти», тем более что президенты официально или неофициально признаются главами государств, то есть, среди прочего, олицетворяют государственное (национальное) единство. И политическая практика некоторых государств восприняла такую конструкцию, перенеся на президентов принцип не только личной неприкосновенности (например, конституции России и многих других государств, входивших в СССР), но *даже* «охраны чести и достоинства» (например, конституции Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Туркменистана). Говорю «даже» — поскольку право на

охрану и защиту чести и достоинства является одним из основных прав человека. Поэтому за выделением президента в качестве отдельного субъекта такого права явно стоит запрет на его критику.

Известно, что в монархии публичная (в политическом смысле) ответственность государя перекладывается на его министров. Еще Ш. Монтескье утверждал, что монарх, возглавляющий исполнительную власть, может дурно пользоваться ею только потому, что *у него дурные советники (министры)*, а значит, только последние и могут быть привлечены к ответу⁶⁶. О том же писали и многие русские юристы⁶⁷. При всем этом, однако, нельзя утверждать как с социологической, так и с конституционно-правовой точек зрения, что неотвеченность монарха абсолютна.

Во-первых, косвенную ответственность монарх все же несет. Дж. Локк писал, что, хотя личность короля неприкосновенна, это не значит, что, если он отдает незаконный приказ, *его исполнителям* нельзя сопротивляться: «Ведь не поручение, а власть, — говорил он, — дает право действовать; однако *против законов не может быть никакой власти*»⁶⁸ (подобный подход нормативно закрепила, например, действующая Конституция Норвежского королевства). А во-вторых, о существовании ответственности монарха, главным образом, перед парламентом свидетельствуют обязанности принесения им присяги, предусмотренной в ряде стран, дача согласия парламентом на зарубежные поездки короля (например, в той же Норвегии), принудительное отречение монарха за невыполнение им своих полномочий.

Президент подлжит, в первую очередь, *политической* ответственности, хотя бы потому, что он является избираемым лицом. С его *юридической* ответственностью дело обстоит сложнее, поскольку в некоторых странах на президента, как уже сказано, конституционно перенесен монархический принцип неприкосновенности, и привлечение его

⁶³ См. об этом, например: *Алексеев А. С.* К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль : Тип. Губерн. правления, 1910. С. 17–20; *Шмитт К.* Указ. соч. С. 51.

⁶⁴ *Котляревский С. А.* Указ. соч. С. 84.

⁶⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 15 августа 1845 г. (Извлечение) [Электронный ресурс] // Сайт «История XIX века — письменные, статистические и графические источники». URL: <http://xix-vek.ru/material/item/i00/s00/z0000003/st070.shtml> (дата обращения: 15.07.2015).

⁶⁶ См.: *Монтескье Ш.* Указ. соч. Кн. 11. Гл. VI.

⁶⁷ См., например: *Алексеев А. С.* Безответственность монарха и ответственность правительства. М. : Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1907; *Косошкин Ф. Ф.* Указ. соч. С. 320.

⁶⁸ *Локк Дж.* Два трактата о правлении // *Локк Дж.* Сочинения : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988. С. 382.

к юридической ответственности затруднено. Конечно, он несет гражданско-правовую ответственность, а, главное, может быть отрешен от должности в случае совершения преступления (в некоторых странах и по более широкому кругу оснований). Но, повторю, привлечение его к ответственности все же ограничено.

Как ни удивительно, но в современной литературе можно найти суждения даже *о неотвественности президента*. В частности, французский исследователь Б. Матье так пишет о французской президентуре: «Одним из принципиальных вопросов является несоответствие между важностью функций главы государства и его политической и юридической *неотвественностью*»⁶⁹. Судя по всему, такое экзотическое мнение обязано своеобразному пониманию самой категории ответственности: автор связывает ее с наличием у президента «*действенных полномочий*»⁷⁰.

5. Объем власти

Неотъемлемым свойством монарха является его *неограниченная власть*. Это утверждение может показаться ошибочным на фоне исторического процесса ограничения монархической власти, который начался еще в глубокой древности. Так, ко времени создания монархии в Древнем Израиле (XI в. до н. э.) уже около пяти столетий существовало *Моисеево законодательство*, пронизанное, как показал А. П. Лопухин⁷¹, идеями свободы, достоинства и ответственности личности, и по-

тому царская власть была учреждена «*с теми ограничениями, которые поставлены были в законодательство Моисея*», причем за «ограничением избрания [не каждый мог быть помазан на царство. — М. К.] следуют законы, *ограничивающие самую власть царя*. И замечательно, что эти ограничения главным образом направлены против того, чем особенно отличались восточные цари, именно против накопления личных богатств и развития роскоши, всегда влекущих за собой нравственную порчу и забвение законов и народа»⁷². Царь Израиля вообще не был законодателем, напоминает Лопухин, и должен был управлять *не по своему личному произволу, а по данному ему закону*⁷³ (ограниченный объем статьи не позволяет привести выдержки из Священного Писания, например, из Книги Второзакония 17: 16–20).

Римские императоры при всей своей гигантской власти также не могли уже править, как восточные деспоты. Средневековым владельческим князьям Европы, превращавшимся в абсолютных монархов, противостояли другие могущественные дворянские фамилии. Наконец, появление парламентов и все большее расширение их властных прерогатив привело к появлению конституционных монархий. Неслучайно современные европейские монархии представляют собой именно парламентскую систему, а не систему, аналогичную президентской или смешанной. Таким образом, общий исторический тренд состоит в *сужении монаршей власти*.

И все же в утверждении, что неотъемлемость власти монарха есть его неотъемлемое свойство, нет ошибки. Дело в том, что речь идет о *свойстве феномена*, а это требует абстрагироваться от его исторических наслоений и искажений. Институт монарха появился как институт, чьей имманентной чертой является обладание безраздельной властью. Вследствие такого понимания еще сравнительно не так давно — в начале XX века — многие юристы, в том числе такие либерально мыслящие, как Н. И. Лазаревский, считали, что даже естественные права личности не могут ограничивать «*верховную власть*»,

⁶⁹ Матье Б. Место президента Республики во французской институциональной системе: От текста к практике // Политические институты России и Франции: Традиции и современность : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН ; отв. ред. Д. В. Ефременко, Н. Ю. Лапина. М. : ИНИОН РАН, 2014. С. 124.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ См.: Лопухин А. П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея // Лопухин А. П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым / под ред. и с предисловием проф. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2005.

⁷² Лопухин А. П. Библиейская история Ветхого и Нового Заветов. Полное издание в одном томе. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2014. С. 425.

⁷³ См.: Там же. С. 426.

ведь «именно потому, что она верховная, то есть не имеющая над собою никакой другой высшей, *является властью юридически неограниченною*, права гражданской свободы *не могут быть юридическими пределами полномочий верховной власти*: таких границ по самому существу дела быть не может»⁷⁴.

Лишь социально-политические обстоятельства заставили монархов согласиться с ограничением их власти, но это были волевые акты. И когда какой-нибудь европейский монарх возвращал себе неограниченную власть, устраняя или подавляя институты-ограничители, он не менял свою природу, оставался монархом. Здесь уместно процитировать К. Шмитта, который утверждал, что монарх, являющийся звеном в «существующей на протяжении поколений династии», может *позволить себе* «совсем *отойти на задний план* со своим политическим влиянием и *передать политическое руководство и всю potestas* [здесь: реальную, а не символическую власть. — М.К.] могущественному парламенту; он может на длительное время исчезнуть как фактор политической власти, *но должен сохранять преемственность обладания тронном*, если он собирается выполнять подобные оправдывающие его функции (надпартийная, нейтральная власть, отображение преемственности государства во время кризисов)»⁷⁵.

А вот институт президента *по самой своей природе* встроен в систему разделения властей. Поэтому «завоевание» президентом неограниченной власти в корне меняет его природу. И очень показательны, что исторический тренд президентства противоположен монархическому: он имеет *тенденцию ко все большему расширению* и, где это возможно, к нейтрализации властных полномочий иных институтов, прежде всего парламента.

6. Длительность полномочий

А. де Токвиль, сравнивая американскую президентуру с французской монархией, сформулировал этот признак так: «Преимуществом королевской власти во Франции, если ее сравнивать с властью президента, является ее

большая продолжительность; а ведь именно *продолжительность пребывания у власти* и является первейшим условием ее могущества... Президент Соединенных Штатов — это всего лишь должностное лицо, *избранное* на четыре года. Король Франции — это *наследный* глава государства»⁷⁶. Обратим внимание на то, что здесь *в один признак фактически объединены два*: «продолжительность правления» и «способ приобретения власти», тогда как они выступают в качестве самостоятельных, например, у С. А. Котляревского: «Отличие президента от монарха сводится к избираемости и временному характеру»⁷⁷, а из современных авторов — у С. Г. Паречиной⁷⁸.

Ф. Ф. Кокошкин верно считал, что это все же единый признак, даже если монарх выборный⁷⁹. Ведь важен не сам принцип выборности. Важно, что монарх, если и избирается, то *не на всеобщих выборах*. И даже если теоретически допустить, что монарх избирается всем народом, то и тогда останется коренное отличие его от президента: избрание может быть осуществлено *только один раз*. В противном случае мы бы имели полное право называть такого главу государства президентом, пусть даже формально он именовался бы «король». Другими словами, если и говорить о выборности в противовес наследственному принципу, то необходимо употреблять понятие «*регулярная* выборность». А *регулярность выборов есть следствие как раз отсутствия института пожизненного правления*, ибо естественным образом подразумевает *ограниченность срока полномочий (сменяемость)*.

В демократической республике вопрос о пожизненном президентстве не возникает, поскольку сущностным элементом демократии является постоянная конкуренция и, следовательно, ротация элит, а это невозможно обеспечить без регулярных выборов или жеребьевки. Но и республика, в которой установлен авторитарный режим, также немаловажна без выборов (пусть и формальных). Поскольку выборность является одним из неременных атрибутов республики, вне зави-

⁷⁶ Токвиль А. де. Указ. соч. С. 110.

⁷⁷ Котляревский С. А. Указ. соч. С. 190.

⁷⁸ См.: Паречина С. Г. Указ. соч. С. 13, 28.

⁷⁹ См.: Кокошкин Ф. Ф. Указ. соч. С. 319.

⁷⁴ Лазаревский Н. И. Указ. соч. С. 11.

⁷⁵ Шмитт К. Указ. соч. С. 165 (см. также: с. 169).

симости от характера установленного политического режима, то даже авторитарный правитель вынужден время от времени «обновлять» (подтверждать) свою формальную легитимность.

7. Степень вовлеченности в *politics*

Напомню, речь идет о том, насколько монарх и президент могут быть *политически нейтральными*. Б. Констан, введший в научный оборот понятие нейтральной власти, говорил о нейтральности монарха в отношении иных ветвей власти: «Власть исполнительная, власть законодательная и власть судебная суть три формы власти, каждая из которых в своей области должна содействовать общему развитию; но когда эти приведенные в беспорядок власти пересекаются, *сталкиваются, мешают друг другу, нужна сила, чтобы вернуть все на свои места*. Эта сила не должна быть сосредоточена ни в одной из властей, поскольку в этом случае она служила бы разрушению прочих. *Она должна быть вне их, в некотором роде нейтральной по отношению к ним*, чтобы действие ее могло быть с необходимостью быть применено повсюду, где возникает в том потребность, а также для того, чтобы эта сила носила защитный и восстановительный характер, не являясь при этом враждебной»⁸⁰.

Б. Констан фактически ревизовал «трехчленную» конструкцию разделения властей Ш. Л. де Монтескье, выводя монарха из исполнительной власти и деля законодательную власть на два вида. Он говорил о *пяти* ветвях власти⁸¹. Причем одна из них — королевская, стоящая выше всех других, «заинтересована не в нарушении равновесия, но, напротив, в его поддержании»⁸². В существовании нейтральной власти Б. Констан видел залог стабильного правового порядка. Напротив, по его словам, «к порокам почти всех конституций можно отнести тот факт, что они не создали нейтральной власти, но *поместили всю совокупность могущества, какой та должна обладать, в одну из действующих*

властей»⁸³. На мой взгляд, это великая, но не оцененная в полной мере идея. Хотя в свое время она имела популярность. Так, Н. И. Лазаревский писал, что Б. Констан называет королевскую власть «*умиряющей властью*»: в качестве таковой она смиряет министров, распускает палату, милует несправедливо осужденных»⁸⁴. Б. Н. Чичерин говорил, что нейтральная власть монарха «представляет государственное единство, воздерживает партии, успокаивает страсти, охраняет права и интересы меньшинства, имея всегда в виду высшее благо целого, а не какой-либо части»⁸⁵. Правда, Чичерин называл эту власть не «умиряющей», а «умеряющей»⁸⁶, что создает весьма любопытный филолого-правовой феномен.

В русском языке два слова «*умерять*» и «*умирять*» фонетически неразличимы, но по смыслу разные: «умерять» — это ограничивать степень, силу проявления чего-либо⁸⁷, а «умирять» — мирить, примирять; утешать, успокаивать; улаживать, устранять ссору или тревогу и т. п.⁸⁸ В случае же с «нейтральной властью» можно говорить о ней и как об умиряющей, и как об умеряющей. Иными словами, речь идет и о функции ограничения чьих-то амбиций, и о функции смягчения политических страстей во имя социального мира.

Как было замечено, по данному критерию очень сложно отграничить монарха от президента. Не случайно в литературе можно встретить мнение, что свойство политической нейтральности может быть отнесено и к президентам. Так, Г. Еллинек писал, что Третья республика во Франции «осуществила, на основе учений Б. Констана, Тьера и Прево-Парадоля, систему парламентарного правления, и глава государства занимает положение *нейтрального элемента*, стоящего над

⁸³ Там же. С. 40.

⁸⁴ Лазаревский Н. И. Указ. соч. С. 33–34.

⁸⁵ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 192.

⁸⁶ Так же переведено это слово и в русском издании книги: Моро Ф. Указ. соч. С. 19.

⁸⁷ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. проф. Н. Ю. Шведовой. 11-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1975. С. 764.

⁸⁸ См.: Далъ В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / в 4 т. СПб., 1863–1866 [Электронный ресурс] // Яндекс. Словари. URL: <https://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Даля/> (дата обращения 14.10.2015).

⁸⁰ Констан Б. Указ. соч. С. 38.

⁸¹ В. Е. Чиркин считает, что Констан выделял *шесть* ветвей власти (см.: Чиркин В. Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 77).

⁸² Констан Б. Указ. соч. С. 39.

другими государственными факторами, но зато *лишенного реального участия в руководстве* государственными делами»⁸⁹. А К. Шмитт заметил, что «весь ход мысли о *нейтральной власти* также представляет непосредственный интерес для конструирования положения *республиканского президента государства*»⁹⁰.

Конечно, положение и деятельность президентов парламентских республик больше соответствуют понятию «нейтральность». Но, во-первых, речь идет об *имманентности* того или иного свойства, а не о конструктивных или ситуативных особенностях монархии и республики. А во-вторых, если мы согласимся, что данный признак не специфичен, не составляет элемент монархической природы, то придется согласиться и с тем, что *роль «отца нации»* может быть свойственна и президенту. И хотя я не считаю, что эта роль даже для монарха является делом положительным, она — в силу бессрочности его полномочий и характера источника власти — все же стала элементом природы монарха, причем как конституционного, так и абсолютного.

Казалось бы, о нейтральности абсолютного монарха нельзя говорить, ибо он и царствует, и правит. Но дело в том, что, хотя в абсолютной монархии не может быть политики в привычном для нас понимании, там есть ее зачатки, ее прообраз в виде неоформленных групп влияния. И эти группы не борются за власть. Они борются лишь за возможность побуждать монарха к определенным решениям и действиям. Монарх же стоит над ними как «умиряющая» и «умеряющая» сила.

Разумеется, даже у монарха, в том числе конституционного, есть свои мировоззренческие, политические или просто «вкусовые» предпочтения (например, Георг III не любил вигов, а королева Виктория — тори), и потому для равного отношения ко всем течениям ему приходится напрягать свою волю⁹¹. Но все же для монарха нейтральность естествен-

на, даже если он испытывает идейно-политический дискомфорт.

Президентов же «порождает» политикум, и потому они таким же естественным образом *находятся под партийным влиянием*. Этот вывод относится к институту президента в любой разновидности республиканской формы правления. Но наиболее отчетливо это видно, разумеется, в президентско-алистской системе. Здесь президент — всегда *политически ангажированный* субъект публичного права. В. В. Комарова и Ш. Б. Магомедов верно замечают, что «о *“политической нейтральности” главы государства в президентской республике речь не идет*»⁹². Тем не менее президенты в президентских и, особенно, полупрезидентских республиках нередко *стремятся убедить* общество в своей политической нейтральности.

Традиция «демонстративной надпартийности» идет еще от американских «отцов-основателей», которые мыслили процесс выборов президента без участия политических партий, воспринимавшихся как политическое зло⁹³. И хотя, начиная с выборов второго президента США, основные претенденты выдвигались партиями, каждый президент желал предстать перед обществом как *общенациональный* деятель. Так, в своей инаугурационной речи У. Гаррисон при вступлении в должность назвал *партийность в политике «ужасным бедствием»* и заключил: «Мы хотим союза, не партий ради самих этих партий, но союза всей страны — для защиты ее интересов и чести от иностранной агрессии, для защиты тех принципов, за которые с такой славой бились наши предки. В той мере, в какой это зависит от меня, это будет сделано. Все то влияние, которым я обладаю, будет употреблено *на предупреждение возникновения, по крайней мере, партии президента в залах заседаний законодательного органа*»⁹⁴. А Президент Дж. Полк

⁸⁹ Еллинек Г. Указ. соч. С. 538.

⁹⁰ Шмитт К. Указ. соч. С. 164.

⁹¹ Например, норвежский король Хокон VII в 1940-х годах заметил: «Я король *даже* для коммунистов» (см.: Кивле Г. А., Сомов М. Д. Взаимоотношения парламента с главой государства // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 42–46, 44).

⁹² Комарова В. В., Магомедов Ш. Б. Глава государства, региона Российской Федерации. М. : ОКТБ, 1999. С. 23–24.

⁹³ См., например: Агаев М. Б. Президентская власть в системе государственной власти. М. : Луч, 1994. С. 15.

⁹⁴ Цит. по: Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 гг.) с историческим комментарием. С. 160.

говорил: «Хотя в нашей стране глава исполнительной власти, в силу почти неизбежной необходимости, *выдвигается какой-либо партией* и должен сохранять верность ее принципам и установкам, тем не менее, в своей официальной деятельности он должен *быть президентом не только части, но всего народа Соединенных Штатов*»⁹⁵.

Однако нейтральность президентов в президенталистской модели остается *иллюзией* и быстро рассеивается в период конфликтов (например, президента с парламентом или одной из его палат) или при нарастании политического противостояния в обществе. Характерно, что в российской практике последних лет президентская нейтральность перестала даже декларироваться.

8. Заключение

Читатель, думаю, заметил, что все «линии разграничения» между монархом и президентом размыты, хотя и в разной степени. Причины такой размытости различны. В какой-то мере это следствие «республиканизации», а точнее, «демократизации» монархов, но гораздо сильнее на размывание границ между институтами влияет названный выше феномен «монархизации» президентов.

Любопытно, что такой феномен вызывает у некоторых исследователей даже стремление как-то его институализировать. Так, например, Д. А. Авдеев, с одной стороны, констатирует такие пороки политической системы России, как имитация политического многообразия, безответственность за последствия принимаемых решений, сосредоточение властных полномочий в одном центре и т. п.⁹⁶, а с другой стороны, предлагает закрепить существующую модель власти, назвав ее новой формой правления — *конституционной монархией*, причем оптимальной (!) формой⁹⁷. При этом автор возражает тем исследователям, кто называет сложившийся или складывающийся режим «демократиче-

ским монархизмом» (С. А. Авакьян), «выборной монархией» (Л. Д. Воеводин), «выборной дуалистической монархией с институтом престолопреемства» (Е. А. Лукьянова). Аргументирует он свое несогласие тем, что термин «монархия» означает не просто *единовластие*, но и, исходя из греческого слова «*архэ*», власть, *данную Богом*, и потому это всегда власть, «не подверженная сомнению и дискутированию», а вот «*кράτος*» означает «власть, данную кем-то другим»⁹⁸.

Не вступая в филологический спор, напомню лишь, что «*архэ*» («архия») присутствует и в словах «анархия», «олигархия», которые обозначают формы или режимы, отнюдь не угодные Богу. Однако важнее, что Д. А. Авдеев терминологическим путем предлагает, по существу, легитимировать систему «монархизированного» президента, провозгласив ее «новой формой правления».

Приведенный пример еще больше убеждает в необходимости понимать как различия между монархом и президентом, так и то, какие именно монархические свойства являются наиболее притягательными для республиканского главы государства.

Целью «монархизации» выступает, разумеется, *несменяемость*. Но она неизбежно влечет за собой «овладение» и другими монархическими признаками. Ведь для того, чтобы добиться цели несменяемости, а с ней и фактической *неответственности*, президенту необходимо сначала взять под контроль все политические и экономически значимые публично-властные институты, следовательно, завоевать «право» на *неограниченную* власть.

Однако тут и начинается самое сложное. Для обеспечения несменяемости и неограниченной власти президенту требуется не просто высокая популярность. Ему требуется *легитимация в качестве «отца нации»* и одновременно «*вождя*» (не обязательно в этих терминах). Но ведь это два разных понятия, их характеристики далеко не синонимичны. Понятие «*отец*» не чуждо идее общего руководства, но она не главенствующая, основная интенция тут — покровительство, патронаж, защита. Причем «отцовство» распространяется на все группы населения и политические силы одинаково. Понятие же

⁹⁵ Цит. по: Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 гг.) с историческим комментарием. С. 176.

⁹⁶ См.: Авдеев Д. А. Республиканская форма правления в свете конституционного монархизма (Отечественный опыт) // Государство и право. 2015. № 2. С. 27–34, 29–30.

⁹⁷ См.: Там же. С. 32–33.

⁹⁸ См.: Там же. С. 32.

«*вождь*» предполагает руководство движением страны в определенном направлении при условии беспрекословного подчинения руководителю, что обосновывает репрессии в отношении тех, кто не разделяет видение «*вождя*». Названное противоречие решается в пользу второй роли, ибо политическая нейтральность в республиканской форме правления не может обеспечить несменяемость.

Тем самым президент не только не приближается к природе монарха, но и утрачива-

ет свою институциональную природу — сменяемого, юридически и политически ответственного главы государства. И это объективно превращает его в *диктатора*. Но уже не в римском, а современном значении термина.

Краснов Михаил Александрович — ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук.

mkrasnov@hse.ru